

Михаил БРОХЕС:

Восп. — 1992. — № 045 — С. 7

"Александр Вертинский говорил мне: "Миша, спойте что-нибудь из меня"

Александр Вертинский. Вряд ли это имя нуждается в особых комментариях. Великий русский шансонье, он прожил сложную, во многом противоречивую жизнь. Эмигрировав из России, не смог оставаться вне ее пределов и в разгар войны, в 1943 году, вернулся на Родину. Любость и признание публики сопутствовали артисту на родной земле четырнадцать лет — с первого и до последнего выступления. Все эти годы единственным концертмейстером певца был Михаил Брохес.

Мы встретились с Михаилом Борисовичем Брохесом в его небольшой квартирке на Пресненском валу, где он живет со своей супругой. Несмотря на преклонный возраст, этот человек сохранил артистизм, чувство юмора, прекрасную память, способность «играть Вертинского», потрясающе похоже исполняя песни из его репертуара. Жаль, что на газетной полосе невозможно воспроизвести эти чудо-превращения. Закрываешь глаза, и будто сам Вертинский поет «Доченьки», «Над розовым морем» или «Маленькую балерину».

— Михаил Борисович, как вам удается столь достоверно имитировать манеру исполнения Вертинского, улавливать даже самые тонкие нюансы его музыкальных композиций?

— Все дело в том, что на протяжении четырнадцати лет мы дали сотни, если не тысячи концертов. Его артистическая индивидуальность была столь ярка, а общение с ним столь тесным, что мне, безусловно поклоннику творчества Александра Николаевича, попадали в самую глубину души его интонации, манера исполнения. Я как-то невольно, репетируя аккомпанемент, начинал сначала мурлыкать, потом напевать, а затем и петь «голосом Вертинского». Он позже прослышал об этом, но ничуть не обиделся, не рассердился. Со свойственным ему юмором однажды заметил: «Миша, спойте что-нибудь из меня». В другой раз, добродушно засмеявшись, сказал: «Будет кому продолжить мое дело». И знаете, словно какое-то его завещание выполняю: несмотря на свои 83 года, выступаю с концертами-воспоминаниями «14 лет вместе с Вертинским», даже в другие города приглашают, стараюсь, если позволяется самочувствие, не отказываться.

— Михаил Борисович, расскажите о том, как вы встретились с Вертинским, стали его аккомпаниатором.

— Перед войной я преподавал в консерватории, обзавелся семьей, растил сынишку. Когда же началась война, нас всех — студентов, профессоров, инструменты, библиотеку — эвакуировали в Ташкент.

Как-то в Ташкенте меня вызвал директор консерватории и сказал: «Миша, ты должен организовать концертную бригаду и поехать на Дальний Восток, в армию. Там сейчас трудно, нужно поддержать солдат искусством». Около полутора лет колесили мы по дальневосточным гарнизонам и воинским частям. И вот в 1943 году оказались в Чите.

Не успел я распаковать чемоданы, зайдя в холодный номер гостиницы, как меня срочно вызвали в отдел культуры горсовета. Строгий начальник сообщил: «Здесь у нас уже неделю живет артист Вертинский с женой, тещей и грудным ребенком. Он репетировал с несколькими музыкантами, ему никто не подошел. А у меня телеграмма от столичного начальства — предписывается Вертинскому по дороге в Москву дать два концерта в Чите». Я стал отказываться, но услышал непреклонное: завтра в 12.00 репетиция в театре. Делать было нечего!

— О, молодой пианист, — воскликнул Вертинский, увидев меня (он был старше на 20 лет). — Это мне подходит. И положил передо мной тетради с нотами, открыв «В степи молдаванской». Я посмотрел музыкальный текст и внутренне огорчился: как пианисту мне там играть было нечего... Спросил улавлившим голосом:

— Александр Николаевич, а можно импровизировать, что-то от себя добавить?

— Ни одной ноты! — отчеканил Вертинский. Тем не менее уже на первом концерте я не удержался от импровизаций. Александру Николаевичу понравилась моя интерпретация, а заодно и смелость. Потом уже на каждом концерте я добавлял что-нибудь от себя.

— А как прошли первые выступления в Чите?

— О, публика была в восторге, не отпускала Вертинского, и вместо запланированных двух пришлось дать по дороге в Москву четыре концерта.

— И вы тоже поехали в столицу вместе с Александром Николаевичем?

— Я ему с самого начала говорил: «Наша встреча случайна, у меня были другие планы, семья в эвакуации в Свердловске». Но чувствовал, что уже попал в ауру его артистизма и обаяния. «Ничего, Миша, приедем в Москву, вызовем твою семью, и все будет хорошо», — успокоил Вертинский, разрешив мои сомнения.

В сущности так и случилось. Поселились мы в «Метрополе». Он очень любил гулять с маленькой Марианной в скверике у Большого театра. Бывало, говорит мне: «А что, Миша, пойдём с детьми погуляем?». Он с дочкой, я с сыном выходили «в свет». Публика на улицах узнавала его, восхищенные и почтительные взгляды сопровождали нас все время прогулки. Вертинский улыбался своей неповторимой улыбкой, чувствовалось: внимание ему приятно.

— Естественно, артисту нужна публика, если, конечно, это не назойливые поклонники и экзальтированные поклонники.

— Да, безусловно. Кстати, опасаясь последних, он не любил обедать один. Всегда кого-нибудь с собой приглашал, чтобы отбиться от бутылок шампанского и коньяка, которые вмиг оказывались на его столике, присланные «поклонниками». Вопреки сплетням и домыслам скажу, что Александр Николаевич никог-

Клубные встречи

да не позволял себе пить перед концертом. Всегда приходил за час до начала выступления, тщательно готовился. После — да, мог освежиться бокалом сухого вина, выпить рюмочку коньяка. Он был истинным артистом и, так сказать, соблюдал в себе артиста. Правда, был грех — курил много...

— Существует мнение, что Вертинский был большим любителем женщин, постоянно влюблялся...

— Он очень любил свою жену, красавицу Лилию, которая была моложе его на 35 лет. Она происходила из грузинского рода, отец ее носил фамилию Циргава. Возможно, отсюда эти неповторимо-восточные черты лица, яркий темперамент. Обожаю девочек — Марианну и Анастасию. Прекрасно относился к теще, борщи которой были его любимым блюдом. Он вообще был очень семейным человеком, и на гастролях его все время тянуло домой.

Что касается влюбленности? Влюбленность в кого-то, во что-то необходима человеку, особенно художнику. Она подпитывает его творческое начало. Ведь все сочинения Вер-

тинского. А через несколько дней я уже играл мелодию на слова: «У меня родились ангелы, родились среди белого дня».

— А вы поддерживаете отношения с уже выросшими «ангелами»?

— Да, девочки мне часто звонят, Марианна принесла книгу воспоминаний об отце с автографом своим и сестры. Я очень рад, что обе они стали талантливыми актрисами, а в детстве драчуны были...

— Михаил Борисович, наверняка вы помните какие-то курьезные случаи, происходившие с Александром Николаевичем?

— О, их было немало! Кажется, это произошло в Минске. Мы договорились, как всегда, вместе пообедать. Расстались до двух часов, я пошел в филармонию репетировать, Вертинский решил прогуляться по городу.

Наступает время встречи. Его нет. Зная пунктуальность Александра Николаевича, начинаю волноваться. В три часа он приходит и смеется, а произошло вот что.

На улице к Вертинскому подошел сержант милиции и почему-то попросил предъявить паспорт. Александр Николаевич удивленно сказал, что паспорт в гостинице, документов с собой не носит.

— Пройдемте в отделение, — строго заявил милиционер.

— Голубчик, я гулял по городу и устал, прошу в такси, — ответил Вертинский и остановил машину.

В отделении начальник также довольно строго потребовал предъявить документы. (Уж не за шпиона ли его приняли — Вертинский был неизменно элегантен, если не сказать, щеголеват). Александр Николаевич снова стал объяснять, что документы в гостинице.

— Ваша фамилия? — угрожающе спросил начальник. Александр Николаевич посмотрел в открытое окно (дело было в мае), напротив на высоком заборе висели афиши, где огромными буквами было выведено: Вертинский. Вертинский.

— Прощу, — Александр Николаевич широко жестом указал на окно. Начальник милиции оказался поклонником творчества артиста. Смутьившись страшно, он, извинившись за недоразумение, отвез Вертинского в гостиницу. Надо ли говорить о том, что вечером на концерте все отделение милиции рукоплескало артисту.

— Михаил Борисович, рассказывают, что Александр Николаевич Вертинский ушел из жизни во время выступления, сцена стала его последним пристанищем. Это правда?

— Нет, это не совсем так, хотя доля истины в молве существует. Как я уже рассказывал, Вертинский много гастролировал в разных республиках, нередко ездил в Киев, на свою родину. Но особой его любовью всегда оставался Ленинград.

И в тот раз, как всегда, проходили с аншлагами его концерты, публика неистовствовала, артист был, что называется, в ударе.

В одно из воскресений, когда не было выступлений, Вертинского пригласили на «Ленфильм», где должен был состояться просмотр кинокартины «Дон Кихот» — в одной из ролей снималась его жена Лидия Владимировна.

Должен сказать, что Александр Николаевич с большим вниманием относился к занятиям Лили искусством. Помню, когда она заканчивала Художественный институт имени В. Сурикова, мне позвонил Вертинский.

— Миша, Лилечка сегодня защищает диплом! Поздравьте нас, — голос его был торжествен и взволнован одновременно.

Итак, мы поехали на «Ленфильм». Картина в целом и работа жены произвели на Александра Николаевича очень хорошее впечатление.

— Миша, заходите ко мне в номер, торжественно отобедаем, — пригласил Вертинский.

Когда я вошел в номер, Александр Николаевич сидел в кресле и, как всегда, курил. Из приглашенных был еще администратор гостиницы. Мы усадились за накрытый стол. Неожиданно Александр Николаевич плохо себя почувствовал и даже вынужден был прилечь. Еще не понимая, что происходит, я наклонился к нему. — Валидол, — только и успел он произнести. Это были его последние слова.

Сегодня я нередко задаю себе вопрос: почему спустя 35 лет со дня смерти этого великого шансонье имя Вертинского не только не забыто, но все чаще песни и романсы его звучат в репертуаре современного поколения эстрадных исполнителей? Думаю, что настоящая поэзия, изумительные мелодии, темы любви и нежности, грусти и трепетности перед прекрасным — будь то женщина или море, степь или лунный вечер — неизменны во времени. Как неизменна душа человеческая и ее тяга к свету и теплу.

Беседу вела Елена ГРАНДОВА.

тинского можно назвать своеобразной антологией любви.

— Скажите, а что он писал прежде — стихи или музыку?

— Сначала рождались стихи, как правило, музыку он сочинял на собственную поэзию, хотя иногда делал исключения. В его репертуаре есть музыкальные миниатюры на стихи Ахматовой, Блока, Есенина. Затем появлялась мелодия, он был изумительным мелодистом, хотя никогда не учился музыке. Рано потерял родителей, воспитывался в Киеве у строгой и довольно злой тетушки — не до музыки там было. Но истинный, глубокий талант победил, призвание актера сделало его всенародным любимцем.

Знаете, был забавный случай. Как-то Александра Николаевича вызвали в Министерство культуры заполнить какую-то анкету. Молодая девушка-секретарша спрашивает, заглядывая в графы анкеты: «Фамилия, год рождения, звание?». Вертинский, со своим знаменитым грассированием, отвечает: «Ах, душенька, у меня, кроме мирового имени, ничего нет».

— Михаил Борисович, а можете ли вы вспомнить историю создания какой-нибудь песни Вертинского? Или в его творческую лабораторию вход был закрыт?

— Ну почему же? Часто это был в некотором роде совместный процесс. Однажды (мы жили тогда еще в «Метрополе», вскоре после приезда в Москву) в моем номере раздается телефонный звонок. Я со сна ничего не могу понять, в трубке — голос Вертинского: «Миша, вы можете сейчас зайти ко мне?». Смотрю на часы, что-то около трех. Ворча, надеваю халат, иду.

— Миша, у меня сочинился припев. И он запел: доченьки, доченьки, доченьки мои! Где ж вы, мои доченьки, где вы, соловьи! — Пожалуйста, подыграйте мне, а то я к утру все забуду. Мне очень понравилась мелодия, я записал ее и спросил: «Александр Николаевич, а начало?».

— Будет и начало, — улыбнулся Вертин-